

Жун Чжоу чжун сел рядом с Сян Аотином, зажав Чэнь Цина между ними и Ши Вэйчуном. На этом моменте сценарий «Лянь Цзюнь обедает со старым другом» был окончательно разрушен.

Убедившись, что Лянь Цзюнь в относительной безопасности, Ши Цзинь решил, что хорошенького понемножку, и прекратил устраивать сцены. Он вернул Сян Аотину его куртку и под предлогом того, что нужно принести приборы для братьев, покинул внутренний зал и разыскал Гуа Второго.

Гуа Второй прислонился к круглому столу во внешнем зале. Заметив серьезное выражение лица Ши Цзиня, он вскинул брови и спросил:

— Что случилось? Братья обидели?

— Нет. — Ши Цзинь подошел к нему поближе и понизил голос. — Когда я ходил встречать брата, то заметил, что в соседних комнатах есть люди. Проблема в том, что, по словам официанта, второй и третий этажи сегодня пустуют. По-моему, это странно. Нам лучше быть начеку.

В глазах Гуа Второго мелькнул огонек. Он сказал:

— Комнаты и должны быть пустыми. Господин Чэнь сказал, что, учитывая особый статус Цзюнь-шао, он заранее забронировал эти два этажа. В какой комнате ты кого-то видел? Как ты их обнаружил?

Ши Цзинь подумал, что его реакция была неправильной — парень оставался слишком спокойным. Он подозрительно посмотрел на него, а затем продолжил:

— В обеих комнатах, соседствующих с нашей, должны быть люди. Минуту назад я дурачился со своим третьим братом в коридоре и услышал приглушенные голоса...

Пока он объяснял, выражение лица Гуа Второго становилось все более и более странным. Ши Цзинь осекся, кое-что осознав, и схватил Гуа Второго за одежду. Скрипнув зубами, он процедил:

— Ты знал, что в пустых комнатах есть люди?

— Знал, — Гуа Второй почесал нос с таким видом, будто изо всех сил сдерживал улыбку. Он указал вниз: — Все гости на первом этаже — люди из правительства. Думаешь, иначе Цзюнь-шао позволил бы тебе пойти с ним? Так что расслабься, ешь, пей — небо на землю еще не рухнуло. Кстати, почему твои братья здесь? Это ты их позвал? Ты так ими хвастался. Сделал это, потому что понял, что с господином Чэнем что-то не так? А ты сообразительный.

— ...Нет, я просто выпендривался ради забавы, — выдавил из себя Ши Цзинь сквозь стиснутые зубы, отпуская его. Внезапно на него навалилась усталость. *«Я чувствую себя полным идиотом»*, — признался он Сяо Сы.

Сяо Сы на мгновение замолчал, а затем слабо утешил его:

<Всё в порядке, я ещё глупее тебя>.

Ши Цзинь: «...»

Чувствуя, что жизнь потеряла всякий смысл, он отнес столовые приборы во внутренний зал и

молча плюхнулся на свой стул, похожий на поникшее растение.

— Что случилось? — спросил Лянь Цзюнь.

Ши Цзинь взглянул на него, затем на Чэнь Цина и покачал головой. Он придвинул свой стул к Сян Аотину, решив пока держаться от Лянь Цзюня подальше. Он чувствовал, что сегодня его настроение слишком скачет, и ему нужно время, чтобы успокоиться.

Лянь Цзюнь посмотрел на увеличившееся между ними расстояние и прищурился, но ничего не спросил. Он позвонил в колокольчик, попросил Гуа Второго снова принести меню и заказал еще несколько блюд. Среди них была жареная баранья лопатка — «детская версия» жареного целиком барашка, которого когда-то хотел съесть Ши Цзинь.

К сожалению, Ши Цзинь был погружен в пучину ненависти к себе и не заметил нового заказа Лянь Цзюня.

Сян Аотин, уловивший перемену в настроении Ши Цзиня, был удовлетворен этим «отчуждением». Он помог ему отодвинуть приборы чуть дальше и спросил:

— Голоден?

Ши Цзинь покачал головой, поднял на него глаза и тихо спросил:

— Четвертый брат, я выглядел очень глупо, когда представлял тебя?

Я же знал, что Лянь Цзюнь наверняка подготовился, так зачем было устраивать сцену? Мне следовало просто сидеть, уплетать еду и вести себя прилично.

Короче говоря, ему все еще не хватало опыта.

Лицо Сян Аотина смягчилось. Но когда он открыл рот, чтобы утешить его, сидевший рядом Жун Чжоу чжун проворчал:

— А когда ты не был глупым? Если человек дожил до восемнадцати, а его IQ остался на уровне десятилетней давности, невозможно не быть глупым. Он всегда будет глупым. Тебе не стыдно вот так выставлять напоказ своих братьев, когда ты уже взрослый?

Последнее предложение прозвучало почти неразлично, едва угадываясь по движению губ.

Ши Цзинь разозлился от смущения. Он свирепо уставился на своего третьего брата, заноса кулак.

Жун Чжоу чжун одарил его ответным свирепым взглядом и отвернулся.

Сян Аотин, зажатый между ними, чувствовал себя беспомощным, но в то же время ему хотелось рассмеяться — он слишком давно не видел этой сцены дружеской братской перепалки.

В конце концов, этот обед был личной встречей Лянь Цзюня, а трое старших братьев вломились без приглашения. Поэтому, пока они ждали, когда подадут еду, Ши Вэйчун попросил официанта накрыть на стол во внешнем зале, сославшись на необходимость обсудить семейные дела.

Когда Ши Цзинь последовал за ними, Лянь Цзюнь не стал его останавливать. Он просто

попросил Гуа Второго распорядиться, чтобы официант отнес все дополнительные блюда на стол Ши Вэйчуна.

В светлом внутреннем зале воцарилась тишина. Лянь Цзюнь лично налил Чэнь Цину чашку чая и поставил ее на стол перед собеседником. Он повернулся к нему и произнес:

— У Ши Цзиня чрезвычайно острое чувство опасности.

Сердце Чэнь Цина екнуло, когда он услышал слово «опасность». Он потянулся к горячему чаю, налитому Лянь Цзюнем, и глухо ответил:

— П-правда? Он кажется совсем юным. Это твой новый подчиненный?

— Да, он быстро вырос, — Лянь Цзюнь откинулся на спинку инвалидного кресла и налил себе еще пиалу супа. Он медленно помешивал его, казалось, ведя непринужденную светскую беседу. — Ши Цзинь знает правила приличия и хорошо воспитан. Обычно он никогда не ведет себя так грубо, встречаясь с кем-то впервые.

Пока Чэнь Цин слушал, на его лбу выступили капельки пота.

Они знали друг друга много лет. И хотя Чэнь Цин не мог сказать, что знает Лянь Цзюня на сто процентов, он гордился тем, что понимает его как минимум на семьдесят. Лянь Цзюнь никогда не нес бессмысленную чушь в неподходящих ситуациях, а теперь ни с того ни с сего принялся нахваливать своего нового подчиненного. Более того, он намекнул, что этот подчиненный, только что устроивший сцену, обычно вежлив и старается не выделяться. В сочетании с предыдущей фразой «У Ши Цзиня чрезвычайно острое чувство опасности», Чэнь Цин почти сразу понял, что имел в виду Лянь Цзюнь: *«С тобой что-то не так, и это заметил не только я, но даже мой новый человек. Так что, пока я не сорвал с тебя маску дружелюбия, тебе лучше воспользоваться возможностью и во всем признаться».*

— Лянь Цзюнь... — Чэнь Цин хотел что-то сказать, но его рот лишь беззвучно открывался и закрывался. Внезапно лишившись сил, он обмяк на стуле, и на его лице появилась горькая улыбка. — Лянь Цзюнь, ты всё такой же... Я помню, раньше ты не ел супы.

— Люди меняются, — Лянь Цзюнь посмотрел на него. — Тот горшок со счастливым бамбуком, который я послал тебе в том году, хорошо растет?

Застигнутому врасплох Чэнь Цину пришлось вдумываться в шифр, который он не слышал уже очень давно. Через мгновение его глаза покраснели, и он поднял руку, чтобы вытереть лицо. Приняв решение, он выпрямился и посмотрел в глаза Лянь Цзюню.

— Всё в порядке, он дал три новых побега. К сожалению, один поцарапала кошка, а два других моя жена пересаживала в новый горшок. Я не знаю, можно ли его спасти.

Это означало следующее: *«С тех пор, как наши пути разошлись, в моей семье появилось три новых человека, один был ранен, а двое других схвачены. Ранили мою жену, а схватили двоих моих детей. Пожалуйста, спаси их».*

Лянь Цзюнь приподнял брови, видя глаза Чэнь Цина, полные тревоги и надежды. Он кивнул и мягко ответил:

— Его спасут. Съешь немного супа, сегодня он очень хорош.

Услышав это обещание, напряженное тело Чэнь Цина расслабилось, его разрывало между улыбкой и слезами. Казалось, камень, который долгое время давил на его сердце, немного сдвинулся. Он мысленно поблагодарил Лянь Цзюня и сменил тему.

Атмосфера во внешнем зале была напряженной.

Ши Цзинь сидел один, а трое его братьев расположились напротив. Стол между ними ломился от всевозможных деликатесов, аппетитный аромат которых наполнял воздух, но никто так и не притронулся к палочкам. В такой рассадке всё это больше напоминало судебное заседание.

Ши Вэйчун перешел сразу к делу:

— Сяо Цзинь, мы пришли сегодня, потому что хотели поговорить и с тобой, и с Лянь Цзюнем.

Ши Цзинь уже догадался, что Ши Вэйчуна и Жун Чжоу чжуна вызвал Сян Аотин, но не знал причины. Видя мрачное выражение лица Ши Вэйчуна, у него по коже побежали мурашки.

— О чем вы хотите поговорить?

— О твоём будущем, — ответил Ши Вэйчун. Он нахмурился и со всей серьезностью продолжил: — Лянь Цзюнь сказал, что решение о том, уйти или остаться, принимать тебе. Сяо Цзинь, я надеюсь, что ты вернешься домой со мной.

Так вот о чем они хотели поговорить.

Ши Цзинь немного расслабился, но все же категорически отказался.

— Старший брат, прости, но я не хочу возвращаться.

— Сяо Цзинь. — Ши Вэйчун всем своим видом излучал неодобрение. — Я думал, мы прояснили то недоразумение.

Ши Цзинь уже давно хотел как следует поговорить с теми из своих братьев, которых он вычеркнул из списка убийц. Теперь, когда представилась такая возможность, он собрался с мыслями и серьезно произнес:

— Старший брат, Третий брат, Четвертый брат, из-за того, что я неправильно вас понял, я вел себя своенравно и заставил вас волноваться. За это я прошу прощения. Не буду вам лгать: поначалу я не хотел возвращаться, потому что подозревал вас, но теперь я просто хочу остаться в «Ночном свете» — мне там очень нравится.

Трое старших мужчин синхронно нахмурились.

— В конце концов, наша семья отличается от обычных семей. — Ши Цзинь вздохнул и продолжил объяснять: — У каждого из вас своя жизнь и карьера, свои родственники, о которых нужно заботиться. Если бы я вернулся с вами, это поставило бы всех в неловкое положение. А возвращаться в тот большой, пустой дом, жить там одному, одному ходить в школу и ждать, когда вы время от времени выйдете на связь... Нет, я вас не виню, я просто хочу, чтобы вы поняли: моя нынешняя жизнь нравится мне больше той, что я вел раньше. Я могу многому научиться, оставаясь с Лянь Цзюнем. Гуа Первый и остальные из всех сил стараются меня учить, и они мне очень нравятся. Вы думаете, это хуже, чем ходить в университет, но это не так, просто я учусь другим вещам... Я уже взрослый — доверьтесь мне, ладно?

Брови Ши Вэйчуна сошлись на переносице, Сян Аотин напрягся; даже на лице Жун Чжоу чжуна читалось: *«Ты в своем уме?»*. Им не нужно было произносить это вслух, чтобы Ши Цзинь понял их ответ: нет, не ладно. Согласился бы любой нормальный старший брат на то, чтобы его младший вступил в банду и «учился» в их дерьмовом «университете»? Ты что, бредишь?

Сян Аотин покачал головой:

— Сяо Цзинь, дело не в нашей доверии. Оставаться с Лянь Цзюнем небезопасно — ты можешь оказаться в опасности в любую минуту.

— Ты вообще думал о своем будущем? Это путь в один конец, — добавил Ши Вэйчун.

— Знаю, я все тщательно обдумал, — твердо ответил Ши Цзинь, глядя им в глаза. — И я хочу остаться, даже если это опасно. Четвертый брат, если бы я сказал, что летать на истребителе опасно, ты бы уволился и перевелся в более безопасную часть?

Сян Аотин нахмурился и ничего не ответил.

Ши Цзинь повернулся к Жун Чжоу чжуну:

— Третий брат, если бы я сказал, что быть знаменитостью опасно, потому что тебя преследуют сумасшедшие фанаты и вездесущие папарацци, и я бы хотел, чтобы ты снова стал обычным человеком, ты бы согласился?

Жун Чжоу чжун усмехнулся:

— Похоже, ты все еще ищешь смерти. Что это за дурацкая аналогия? И если ты еще раз посмеешь назвать меня таким идиотским словом, как «знаменитость», я оторву тебе голову.

Ши Цзинь: «...»

Он решил проигнорировать его и снова посмотрел на старшего брата.

Ши Вэйчун поднял руку, прерывая его заготовленный вопрос. Выражение его глаз было сложным, словно он заново узнавал Ши Цзиня.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. И хотя я мог бы до хрипоты спорить о том, что опасности, с которыми ты можешь столкнуться, следуя за Лянь Цзюнем, в корне отличаются от опасностей других профессий, ты все равно вряд ли станешь слушать. Я задам тебе лишь один вопрос: тебе действительно обязательно оставаться с ним?

— Да. — В голосе Ши Цзиня не было ни капли колебаний. Он немного польстил своим братьям: — И я не верю, что это путь в один конец — ведь у меня есть вы, мой надежный тыл, не так ли?

Эта лесть попала прямо в точку. Лица Ши Вэйчуна и Сян Аотина почти мгновенно расслабились. И хотя Жун Чжоу чжун фыркнул, он тоже слегка перестал хмуриться и не стал опровергать это заявление.

— Почему это обязательно должен быть Лянь Цзюнь? — спросил Ши Вэйчун.

«Потому что у него есть шкала прогресса, тот еще мелкий капризный бес».

Таков был инстинктивный ответ Ши Цзиня, но он, очевидно, не мог брякнуть такое вслух.

Поэтому, напустив на себя самое искреннее выражение лица, он с чувством произнес:

— Потому что он выдающийся человек, я хочу следовать за ним. Брат, согласись со мной хоть раз, это то, чего я действительно хочу.

Ши Вэйчун замолчал. После долгой паузы он спросил:

— Тебе настолько нравится Лянь Цзюнь? Что даже угроза жизни не может тебя остановить?

Ши Цзинь: «...А?»

Жун Чжоу чжун выпрямился на стуле, его лицо исказилось.

— Что ты сказал, Старший брат? Кто? Кому кто нравится? Кто нравится этому маленькому паршивцу, у которого еще молоко на губах не обсохло?

Ши Цзинь был сбит с толку. Он уставился на Ши Вэйчуна, который скорбно взирал на него так, как смотрят на сбившегося с пути истинного подростка. До него дошел смысл их намеков, и он поперхнулся от шока. Он резко повернул голову к двери во внутренний зал, чтобы проверить, плотно ли она закрыта. Убедившись, что всё в порядке, он с облегчением выдохнул. Понизив голос, он зашипел:

— Старший брат, о чем ты вообще? Я... я просто восхищаюсь Цзюнь-шао. Восхищаюсь, ясно? Он потрясающий. В будущем я хочу стать таким же, как он. Вы, вы... Вы слишком узко мыслите!

Ши Вэйчун опешил. Он бросил сомневающийся взгляд на Сян Аотина, затем снова уставился на Ши Цзиня и переспросил:

— Так тебе не нравится Лянь Цзюнь?

Ши Цзинь был готов расплакаться.

— С таким же успехом ты мог бы сказать, что мне нравишься ты!

Хотя Лянь Цзюнь — замечательный человек, с прекрасным характером, и в нем невозможно найти никаких изъянов, но... Его жизнь все еще висит на волоске, кому придет в голову думать о симпатиях или антипатиях!

— Не неси чепуху! — упрекнул его Ши Вэйчун. Окончательно убедившись, что они сложили два и два и получили пять, он решил уточнить еще раз: — Ты правда просто восхищаешься Лянь Цзюнем?

Ши Цзинь закивал так отчаянно, что его голова едва не оторвалась.

— Тогда почему ты так сильно о нем печешься? — не удержался от вопроса Сян Аотин.

— Он мой босс. Если он умрет, я потеряю средства к существованию. Естественно, я забочусь о нем, — ответил Ши Цзинь тоном, не терпящим возражений. Он обиженно посмотрел на Сян Аотина с таким выражением лица, которое словно говорило: *«Ах вот ты какой, я в тебе ошибся»*. Ему даже думать не нужно было — в этом недоразумении стопроцентно виноват Сян Аотин!

Сян Аотин отвел взгляд, выглядя немного смущенным.

Жун Чжоу чжун медленно откинулся на спинку стула, обводя взглядом лица всей троицы. Его лицо приняло нормальное выражение, а уголки губ поползли вверх в непонятной улыбке.

— Ну и драму вы тут разыграли. Почему бы вам не пойти за мной в мир шоу-бизнеса? Гарантирую, вы будете на первых полосах каждый день.

Ши Вэйчун долго молчал. Наконец он выдавил из себя:

— Так что же ты все-таки хочешь делать? Хочешь стать боссом мафии, как Лянь Цзюнь?

— Он не босс мафии, Старший брат. Мы легальная организация и ведем честный бизнес, — опроверг Ши Цзинь. Затем он продолжил с невозмутимым лицом: — Вы — президент международной компании, суперзвезда и летчик-истребитель. Почему я не могу стать национальным героем, который помог боссу преступной организации отмыться и начать жизнь с чистого листа? Это похвальная цель, так что не стоит губить мечту юноши на корню.

Ши Вэйчун и Сян Аотин: «...»

Жун Чжоу чжун посмотрел на него, как на умственно отсталого, и хмыкнул:

— Мечта юноши? Скорее уж галлюцинация.

Ши Цзинь снова свирепо на него зыркнул и занес кулак. Лицо Жун Чжоу чжуна потемнело, и он пнул его под столом.

Когда Лянь Цзюнь и Чэнь Цин закончили трапезу и вышли, трое братьев уже исчезли, оставив во внешнем зале одного Ши Цзиня. Выражение лица Ши Цзиня было немного странным, а глаза бегали туда-сюда. С первого взгляда было ясно, что что-то не так.

Лянь Цзюнь приподнял брови.

— Где твои братья?

— У них появились дела, и они ушли, — ответил Ши Цзинь, не в силах смотреть ему в глаза. Вспоминая «искренний разговор» Ши Вэйчуна и Лянь Цзюня, он чувствовал себя настолько неловко, что хотел бы провалиться сквозь землю. Ему хотелось объясниться, но он не знал, с чего начать.

Когда Лянь Цзюнь увидел, что подросток отказывается смотреть на него, он нахмурился еще сильнее, но на этот раз промолчал. Жестом приказав Ши Цзиню следовать за ним, он сдвинул инвалидное кресло с места, чтобы проводить Чэнь Цина из ресторана.

Встреча закончилась без опасных сюрпризов. После того, как мужчины сели в машину и покинули территорию ресторана, шкала прогресса Лянь Цзюня упала до 500, что означало, что он в полной безопасности.

Ши Цзинь с облегчением выдохнул. Он искоса взглянул на сидящего рядом Лянь Цзюня и заколебался, не зная, стоит ли вообще что-то говорить. Наконец он решил, что чем раньше он объяснится, тем лучше, и начал:

— Эм-м, Цзюнь-шао, мои братья сегодня с тобой разговаривали...?

Пальцы Лянь Цзюня, лежащие на колене, дрогнули. Он перевел взгляд от пейзажа за окном машины на Ши Циня и подал знак Гуа Второму, сидевшему за рулем, поднять перегородку.

Только убедившись, что они изолированы и их никто не подслушает, он ответил:

— Кое о чем мы действительно говорили. Почему ты спрашиваешь?

Ши Цзинь был готов задохнуться — Лянь Цзюнь точно догадался, о чем пойдет речь, иначе он не стал бы поднимать перегородку!

Никогда ни в одной из своих жизней он не чувствовал себя более униженным: его старшие братья увязались за ним на встречу с боссом, заявили, что Ши Цзинь имеет на него виды, и использовали это предположение, чтобы договориться о его увольнении. И теперь Ши Цзиню приходилось сцепить зубы и объяснять мужчине, что нет, он не испытывает к нему *таких* чувств.

«Так кто вы в конце концов — мои братья или мои враги?!»

— ...Прошу прощения! — Ши Цзинь склонил голову и извинился. Как бы ему ни было стыдно, он должен был всё прояснить. — Мой старший брат нес полнейшую чушь. Цзюнь-шао, уверяю вас, я абсолютно предан вам и не посмел бы проявить к вам подобное неуважение! Поверьте мне!

Лянь Цзюнь перестал постукивать по колену и сложил руки на животе. Он ответил коротким «хм» и снова уставился в окно.

Ши Цзинь ждал, ждал и ждал. Когда ничего не последовало, он взгляделся в Лянь Цзюня и спросил:

— Разве вы ничего не скажете, Цзюнь-шао?

— А что ты хочешь, чтобы я сказал? — Лянь Цзюнь даже не повернулся, демонстрируя ему равнодушный профиль. — То, что твой способ выражать уважение — это заставлять меня есть суп за ужином, называть меня «милым», когда ты пьян, и обнимать перед уходом на задание? Ши Цзинь, а ты когда-нибудь вообще проявлял ко мне уважение?

— ...

Ши Цзинь лишился дара речи — он и правда всё это делал.

Когда он замолчал, Лянь Цзюнь, наконец, посмотрел на него и спросил:

— Тебе еще есть что сказать?

Ши Цзинь слезно взмолился:

— Цзюнь-шао, вы мне правда безразличны.

— Мгм. — Лянь Цзюнь кивнул и отвернулся. — Тогда ты тоже будешь мне безразличен.

Ши Цзинь: «...»

Сяо Сы слабо спросил:

<Милый злится?>

Ши Цзинь молча откинулся на сиденье. Он смотрел на идеальный профиль Лянь Цзюня и

размышлял о превратностях судьбы.

— Как думаешь, ответ на этот вопрос может быть «нет»?

Сяо Сы промолчал, но в глубине души подумал: *«Невозможно»*.

Как только они вернулись в клуб, Лянь Цзюнь вызвал Гуа Первого и остальных своих подчиненных, чтобы отдать им три приказа: отследить местонахождение семьи Чэнь Цина, выяснить, кто сегодня сидел в засаде в ресторане, и спасти семью Чэнь Цина как можно скорее.

Только тогда Ши Цзинь узнал, что Чэнь Цин пригласил Лянь Цзюня не по собственной инициативе, а был вынужден это сделать. Еще до их встречи он находился под контролем врага, а в ресторане на нем была прослушка, и он не смел говорить открыто.

Если бы у Лянь Цзюня и Чэнь Цина не было секретного шифра для связи еще с давних времен, Чэнь Цин, возможно, никак не смог бы сообщить Лянь Цзюню правду.

Ши Цзинь нахмурился, только теперь поняв, почему Чэнь Цин все это время так нервничал. У него было немного тяжело на сердце — враг смог не только раскопать старого друга Лянь Цзюня, но и использовать его, чтобы уничтожить Лянь Цзюня. Казалось, нынешние противники «Аннигиляции» оказались на редкость изобретательными.

— ...А Гуа Девятый отвечает за сбор информации. За дело, времени в обрез, — закончил свой инструктаж Лянь Цзюнь, дав своим людям знак действовать как можно быстрее.

Гуа Первый и остальные разошлись, чтобы заняться своими задачами.

Когда Ши Цзинь вынырнул из своих раздумий, в кабинете остались только они с Лянь Цзюнем. Он робко спросил:

— Цзюнь-шао, а как же я?

— Ты будешь сопровождать меня, — ответил Лянь Цзюнь, направляя свое кресло к двери. Он остановился, проезжая мимо Ши Цзиня, и добавил: — Хорошенько отдохни и не забудь сходить в лазарет, чтобы тебе обработали руки.

После этого он сразу же ушел.

Ши Цзинь проводил его взглядом. Он с легким недоумением посмотрел на ссадины на руках, которые из красных и опухших стали фиолетовыми, — только что Лянь Цзюнь совсем не казался рассерженным.

<http://bllate.org/book/18125/1745761>